
КОНТАКТЫ КИТАЯ С ЦЕНТРАЛЬНОЙ АЗИЕЙ В ДУХОВНОЙ СФЕРЕ В I ТЫСЯЧЕЛЕТИИ

Е.Б. Барина

Центр евразийской археологии
Институт этнологии и антропологии РАН
Ленинский пр-т, 32а, Москва, Россия, 119991

В статье исследуются формы, пути и результаты контактов Китая с Центральной Азией в сфере духовной культуры. Шелковый путь был основной трассой, по которой перемещались товары и поддерживались международные торгово-дипломатические отношения. Он стал важной дорогой для бегства на Восток манихеев, несториан и других изгнанников с Запада. Именно по этому пути в I тысячелетии в Китай проник буддизм.

Ключевые слова: Центральная Азия, Китай, буддизм, несторианство, манихейство, зороастризм.

Важным показателем этнокультурных контактов Китая с западными народами было распространение буддизма, пришедшего в Китай, скорее всего, одновременно двумя путями – с северо-запада и с юга. Основателем китайского буддизма считается парфянский монах Ань Ши-гао, прибывший в Лоян в 148 г. Первые индийские миссионеры появились в Китае в середине II в., а с V в. они составляли большинство среди проповедников буддизма. В общей сложности за III–VI вв. нам известно более 60 индийских миссионеров, действовавших в Китае (1). В действительности эта цифра была, конечно, намного выше. В начале VI в. в одном Лояне проживало более 3 тыс. иностранных монахов.

Таким образом, в период III–VI вв. китайцы сталкиваются с проблемой этнического развития – религией, сформировавшейся за пределами древнекитайской этнической территории. Буддизм вырос на почве индийской культуры. Но, придя из инородной, чуждой конфуцианскому ареалу религиозной культуры, благодаря активной переводческой деятельности китайских и индийских ученых-буддистов, монахов монастырей, располагавшихся уже на китайской земле, благодаря их контактам с даоскими религиозными организациями, он внедряется непосредственно в центры сосредоточения китайской общественно-политической мысли (2).

Проповедь буддийского учения за пределами Индии не могла обойтись без упоминания индийских терминов и реалий, которые в новых условиях заимствовались в их исходной индийской форме или переводились на использовавшиеся местные языки. Для распространения буддизма в Китае по-

требовалось создание новых религиозных и культурных терминов, с помощью которых передавалось множество индийских собственных имен и географических названий (3). За короткое время в Китае была разработана рациональная техника передачи буддийской терминологии на китайский язык (4). Она оказалась настолько удачной, что многие из новых слов легко вошли в китайский язык и сохраняются в нем до сих пор. Благодаря буддийской литературе в Китае появились новые сюжеты, персонажи, появились жанры «обрамленной повести» и буддийской проповеди.

По преданию первые буддийские сутры были привезены в Лоян при императоре Мин-ди (58–76 гг.). Приятие буддизма в культуру произошло на основе переведенных в конце III в. махаянистских сочинений, в которых излагалась доктрина праджни-парамиты. Эта философская система, разработанная в I в. н.э. индийским буддистом Нагарджуной, отрицала дуализм абсолюта – нирваны и мира причинности – сансары и полагала смысл спасения во внутреннем самообнаружении своей истинной природы, достигаемом в полной отрешенности от внешнего мира. «Универсализм» учения о прад-жне сближал ее с некоторыми фундаментальными положениями китайской мысли. На протяжении IV в. доктрина праджни оставалась главенствующим направлением буддийской и всей философской мысли Китая (5). Кучарский монах Кумараджива, прибывший в Чанъань в 402 г. с группой помощников, перевел на китайский язык сутры, которые составляют философскую базу китайского буддизма.

В условиях взаимодействия двух культур существуют два основных пути заимствования иностранных слов: прямое заимствование в исходной фонетической форме и калька – передача иностранного слова в переводе на родной язык.

При переводе текстов буддийского вероучения на китайский язык были сделаны опыты как прямого заимствования, так и калькирования. Соотношение этих двух способов является примечательной особенностью китайской культуры. Примерами прямого заимствования являются имена Будда и Шакьямуни, Футо и Шицзявэнь, которые в момент создания этих терминов звучали примерно как Бутга и Шакьямун.

Однако наряду с этим в китайских философских произведениях можно встретить имя Будды в форме Чжичжэ – «Знающий», Цзюэ – «Бодрствующий», «Пробужденный», Цзинцзюэ – «Обладающий чистым разумом». Наряду с транскрипцией Шицзявэнь (позднее Шицзямуни) в философских произведениях можно встретить китайский перевод этого имени как Нэн жэнь – «Способный к благоволению» (6).

Вместе с буддийской религией в китайский язык вошли космологические и географические понятия и названия, встречающиеся в буддийских текстах. Из санскрита в китайский язык пришли слова для обозначения больших чисел и др.

В тех случаях, когда для перевода санскритского слова было невозможно найти соответствующее односложное слово китайского языка, то созда-

вались двусложные термины и появилось значительное количество многосложных слов, которые вошли в китайский язык и остаются там по настоящее время. Способ передачи иностранных терминов с помощью перевода иностранного слова на китайский язык был разработан именно в то время. В дальнейшем этот метод использовали уже в новое время, когда появилась потребность в создании терминологии для перевода европейских понятий.

Буддизм принес в Китай много нового во многих областях духовной и материальной культуры. Скульптура и живопись Гандхары и Северной Индии послужили образцами для пластики комплексов пещерных храмов Дуньхуана, Юньгана и Лунмэня. Благодаря буддизму в Китае появились новые типы архитектурных сооружений, например многоэтажные пагоды. С IV в. в Китае распространилась буддийская музыка. Помимо этого индийское влияние затронуло такие отрасли знания, как астрономия, математика, медицина (7).

В северных районах Китая буддизм развивался в иных формах. Буддийское учение развивали кочевники-«варвары». Поэтому, с одной стороны, в буддийской проповеди на Севере большое значение имела магия, близкая шаманистским верованиям кочевников. Вождь ордосских сюнну Хэлянь Бобо, основатель династии Ся (407–431 гг.), сам провозгласил себя Буддой и велел изобразить его лик у себя на спине. В табгачской империи буддизм стал фактически государственной религией.

Проникновение буддизма в жизнь древних китайцев не могло не сопровождаться его китаизацией. Пока новая религия оставалась еще смесью буддийской и даосской йогической практики, этот процесс шел почти стихийно и носил большей частью скрытый характер. Но по мере того как буддизм приживался в Китае возникла необходимость принципиально решить вопрос об отношении «варварской» доктрины к древней культурной традиции Китая. Важным признаком нового этапа осмысления буддизма явилось появление с IV в. буддийской литературы, написанной китайцами.

К V в. почти все правители юга Китая покровительствовали буддизму. Буддизм был единственной прижившейся чужеземной религией в Китае.

Несмотря на усилия отдельных правителей, буддизм не стал в Китае государственной религией. Но сам факт распространения буддизма в Китае оказал влияние на самосознание древнекитайского этноса. Пришлая, «варварская» религия не могла не расшатывать этноцентрический стереотип, который сложился в эпоху Хань. Возникшее в III–VI вв. несовпадение этнических и конфессиональных границ способствовало переосмыслению древними китайцами самих себя как определенной общности.

Проповедь буддийских идей активно способствовала расшатыванию сложившегося к этому времени представления о превосходстве жителей Среднего государства над их соседями, в частности, в силу того, что буддисты – сначала выходцы из Западного края, а затем и непосредственно из

Индии – принесли с собой непривычные материальные атрибуты новой религии и связанные с ними обычаи и привычки.

Сама идея о том, что древние китайцы могут заимствовать что-либо чужеземное, всегда встречала ожесточенное сопротивление со стороны ортодоксальных конфуцианцев. Достаточно вспомнить реформы Улин-вана в царстве Чжао, когда его желание ввести ношение штанов натолкнулось на резко негативное отношение приближенных. Сейчас же речь шла о восприятии целого мировоззрения: вопрос касался того, следует ли поклоняться «варварским богам».

Приверженцы буддизма стали первыми древними китайцами, которые вопреки конфуцианскому убеждению в том, что людям Среднего государства нечему учиться у «варваров», отправились на Запад не для того, чтобы поучать, а в надежде научиться. Согласно подсчетам, произведенным Лян Ци-чао, в 260–751 гг. общее число китайских буддийских монахов-паломников составило около двухсот человек, причем на V в. падает примерно треть этого числа.

Среди причин, обусловивших наибольшую активность китайского паломничества на Запад именно в V в., можно считать такие факторы, как расцвет буддизма в Индии, достигший апогея в V в., а также на наличие постоянных контактов Раннего и Позднего Цинь с Западным краем, облегчивших путешествие монахов по Шелковому пути.

Многие паломники вернувшись из Индии со святых мест буддизма, рассказывали своим соплеменникам о западных странах. А многие паломники так и не возвращались на родину, оставаясь в странах Южной или Центральной Азии.

В III–VI вв. на территорию Китая проникает зороастризм. Он явился тогда государственной религией Персидской империи Сасанидов. В Китае зороастрийские культы обозначали специальным словом «Тянь», т.е. «божество Небес», или словосочетанием «варварские духи Неба».

Первое упоминание о зороастрийских святилищах в Китае относится к 519 г., а к середине VI в. поклонение «варварским духам Неба» проникло даже в придворный церемониал двух царств тогдашнего северного Китая – Северного Ци и Северного Чжоу. Китайские императоры династии Суй, объединившие свою страну после более 300-летней смуты, не последовали примеру своих предшественников, но признали право персидской веры на существование. Зороастрийские жрецы, которых в Китае называли «сабао» или «сафу», получили статус государственных чиновников. Две должности сафу были учреждены в столице и по одной – в некоторых северных и северо-западных областях, где существовали зороастрийские храмы. Сменившие династию Суй правители династии Тан сохранили этот порядок, введя в Управление сабао (Сабаофу) целый штат должностей.

Особенными сильными были позиции зороастризма в Лянчжоу на северо-западе Китая. Судя по тому, что танские власти не запрещали китайскому

населению Лянчжоу поклоняться «варварским духам Неба», религия Заратустры не была в северо-западном Китае достоянием только иранцев (8). Как свидетельствуют данные археологии, зороастризм и позднее исповедовали персы, служившие в Китае, а в Кайфыне еще в XII в. имелся зороастрийский храм, существовавший там с танского времени (9).

По торговым дорогам, через Центральную Азию в Китай приходит манихейство (10), несторианство (11) и многие другие религиозные направления (12).

Представители иранских народов были в Китае первыми миссионерами христианства. В VI в. с запада в Китай пришло христианство несторианского толка, известное в танскую эпоху под именем «цзин-цзяо» – «Сиятельное учение». В 745 г. несторианские церкви из «Персидских храмов» были переименованы в «храмы страны Да-Цинь», причем в эдикте упоминались «храмы в обеих столицах и те, что имеются в областях и округах Поднебесной» (13).

Большой успех в Китае при Тан имели проповедники манихейской религии, возникшей в III в. в Персии и названной так по имени ее пророка Мани. Манихейство представляло сочетание элементов зороастризма, иудаизма, христианства и буддизма. Спасаясь от репрессий правившей в Персии династии Сасанидов, многие манихеи бежали на восток в Китай. К концу VII в. относятся первые следы их миссионерской деятельности в Чаньани.

Поскольку манихейство несло в себе значительный заряд социального протеста, танский двор никогда не проявлял к нему симпатий и даже подвергал гонениям, но после того как манихейство стало государственной религией Уйгурского каганата в Монголии, в это время имевшего определяющее влияние на политику китайских императоров, запреты на него были сняты и манихеи, сотнями прибывающие в Китай, в течение 70 лет до падения в 840 г. Уйгурского каганата имели свободу проповеди своей веры. Манихейство лучше других пришлых религий смогло приспособиться к условиям «Срединной империи».

Для популяризации своего учения манихеи прибегали к заимствованиям из буддизма и даосизма. Из даосизма «сыновья Мани» переняли легенду о «превращении варваров», согласно которой основоположник даосизма Лаоцзы, уйдя на запад, положил начало манихейской вере. Часть манихейской литературы также вошла в даосский канон.

В 843 г. после падения Уйгурского каганата китайский император Уцзун приказал разрушить манихейские храмы в Китае и конфисковать их имущество. Манихейские книги подлежали сожжению, а его последователям предписывалось носить китайскую одежду. Однако манихейство, смешавшись с китайскими верованиями, вошло в идеологию и обрядность некоторых народных сект и в таком качестве получило распространение на юго-востоке Китая в эпоху Сун (14).

Таким образом, проникновение новых религиозных учений в Китай явилось важным элементом развития контактов между Империей и Цент-

ральной Азией. В свою очередь, распространение буддизма, зороастризма, манихейства, несторианства и др. в Китае способствовало активизации торговли на Шелковом пути.

ПРИМЕЧАНИЯ

- (1) *Bagchi P.Ch.* India and China. A Thousand Years of Cultural Relations. – 2nd ed., revised and enlarged. – Bombay, 1950.
- (2) *Zuercher E.* The Buddhist Conquest of China. The Spread and Adaptation of Buddhism in Early Medieval China. – Vol. 1–2 (Vol. 1: text. Vol. 2: notes, bibliography, indexes). – Leiden, 1959.
- (3) *Chen Huaiyu.* A Buddhist Classification of Animals and Plants in Early Tang China // *ЖАН.* – 2009. – Vol. 43. – № 1. – P. 31–51.
- (4) *Kang Xiaofei.* In the Name of the Buddha: the Cult of the Fox at a Sacred Site in Contemporary Northern Shaanxi // *Minsu quyi.* – 2002. – № 138. – S. 67–110.
- (5) *Абаев Н.В.* Чань-буддизм и культурно-психологические традиции в средневековом Китае. – Новосибирск, 1989.
- (6) *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков. – М., 1979. – С. 222–223.
- (7) *Kieschnick J.* Buddhist Vegetarianism in China // *Of Tripod and Palate. Food, Politics, and Religion in Traditional China* / Hg. R. Sterckx. – N.Y., 2005.
- (8) *Мейтарчиян М.Б.* Погребальные обряды зороастрийцев. – М.; СПб, 2001.
- (9) *Кадырбаев А.Ш.* «Таджики» Китая: история и современность // *XI научная конференция «Общество и государство в Китае».* – Вып. 2. Ученые записки отдела Китая. – М., 2010. – С. 179.
- (10) *Борисенко А.Ю., Худяков Ю.С.* Манихейство в Восточном Туркестане в эпоху раннего средневековья (по мат-лам исследований А. фон Ле Кока) // *Сибирь на перекрестке мировых религий: Мат-лы Межрегиональной научно-практической конференции.* – Новосибирск, 2005. – С. 120–124.
- (11) *Кычанов Е.И.* Сирийское несторианство в Китае и Центральной Азии // *Палестинский сборник.* – Вып. 26 (89). Филология и история. – Л., 1978. – С. 76–85.
- (12) *Eichhorn W.* Die Religionen Chinas. – Stuttgart, 1973; *Tang Yi-jie.* Confucianism, Buddhism, Daoism, Christianity, and Chinese Culture. Cultural Heritage and Contemporary Change. – Series III: Asia 3. – Washington, 1991.
- (13) *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века. – М., 1984. – С. 183; *Кадырбаев А.Ш.* Христиане в Китае в эпоху монгольского владычества (XIII–XIV вв.) // *XLI научная конференция «Общество и государство в Китае».* – Вып. 3. – М., 2011. – С. 368–378.
- (14) *Кадырбаев А.Ш.* «Таджики» Китая... – С. 181; *Шеффер Э.Х.* Золотые персики Самарканда... – С. 40; *Chau-Ju-kua:* His Work on the Chinese and Arab Trade in the Twelfth and Thirteenth Centuries. Entitled *Chu-fan-chi* / Tr. and ann. by F. Hirth and W.W. Rockhill. – S.-Peterburg, 1911. – P. 17, 31; *Смолин Г.Я.* Антифеодальные восстания в Китае второй половины первой X – четверти XII в. – М., 1974. – С. 397; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос в средние века... – С. 43–47, 182–184; *Крюков М.В., Малявин В.В., Софронов М.В.* Китайский этнос на пороге средних веков... – С. 100–103.

**CONTACTS BETWEEN CHINA AND CENTRAL ASIA
IN THE SPIRITUAL SPHERE IN THE I MILLENNIUM**

E. Barinova

Center for Eurasian Archaeology
Institute of Ethnology and Anthropology
Russian Academy of Sciences
Leninskiy Prospekt, 32a, Moscow, Russia, 119991

The article investigates the forms, ways and the results of contacts between China and Central Asia in spiritual culture. The Silk Road was the main route by which to move goods and to support international trade and diplomatic relations. But it also became an important road for run-properties to the east Manicheans, Nestorians, and other exiles from the West. It was that way Buddhism entered China.

Key words: Central Asia, China, Buddhism, Nestorianism, Manichaeism, Zoroastrianism.